

Nicholay MAZHARA Remembering our beloved teacher

Николай МАЖАРА Памяти любимого учителя

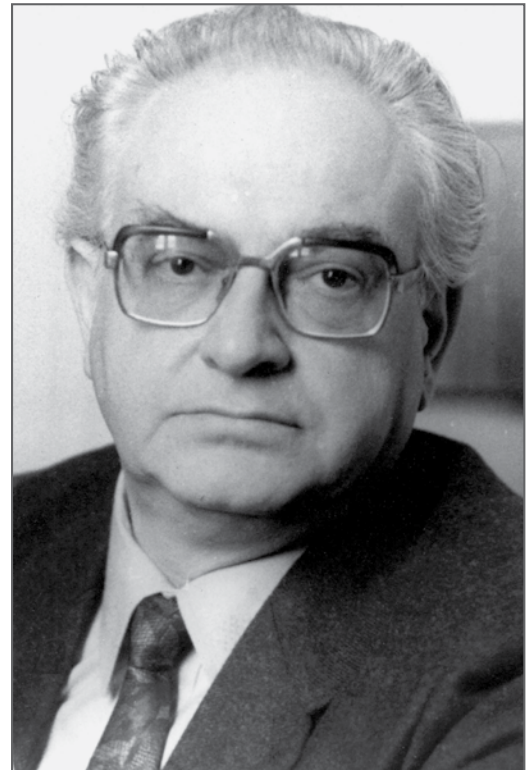
8 января ушел из жизни выдающийся музыкант, замечательный композитор и педагог Александр Дереникович Мнацаканян (1936–2013). Осталась его музыка — серьезная, глубокая, искренняя и бесконечно красивая. Осталась целая плеяда учеников, создающих музыку в разных городах и даже странах. Осталась память о добром, неординарном, остроумном человеке.

Он сотворил свой, неповторимый музыкальный язык, объединив додекафонию с элементами армянской народной музыки. Может быть, больше всего помогали ему высказывать сокровенные мысли струнные инструменты — свидетельство тому Вторая и Третья струнные симфонии, три квартета, «Мольба» для ансамбля виолончелей. Вместе с тем, глубоко и проникновенно, как человеческий голос, звучит солирующий кларнет в произведении «Строфы». По-настоящему узнать стиль автора можно, внимательно вслушиваясь в его сочинения.

Все свое время, без остатка, Александр Дереникович отдавал консерватории и ученикам. Много лет он возглавлял теоретико-композиторский, а затем композиторский факультет, заведя кафедрой композиции. Он знал проблемы студентов и помогал многим, независимо от того, были ли они его учениками. Его собственные студенты воспринимались им как личности, он проникался их радостями и горестями, знал, чем живет каждый из них.

Александр Дереникович умел учить и прививать любовь к делу, которым занимался сам. Во главу угла он всегда ставил творческую индивидуальность студента, и процесс работы всякий раз оказывался неповторимым.

Интересно было присутствовать на его уроках: заранее угадать реплику, фразу или большую речь, которые следовали за прозвучавшим фрагментом написанной учеником музыки, было невозможно. Думаю, что на студента, каков бы он ни был — умный или не очень сообразительный, самоуверенный или сомневающийся, трудолю-

бивый или ленивый — то, что говорил профессор, оказывало нужное воздействие, даже если студент внутренне сопротивлялся услышанному. Ведь суждение педагога могло быть разным, в том числе — достаточно жестким. Оно редко касалось стилистической направленности или музыкального языка студента: может быть, поэтому состоявшиеся ученики Александра Дерениковича пишут такую разную музыку. Речь заходила о технике написания, о замысле, о художественной ценности написанного. Глубокое чувство структурно-образной выстроенности собственных сочинений позволяло ему в работе со студентами давать верные указания по драматургии сочинения — недостаточно развитая тема, не вовремя появившаяся кульминация не проходили незамеченными. Тщательная работа всегда

начиналась с создания темы. Он прекрасно понимал, что зерно, из которого вырастет сочинение, должно быть здоровым и интересным. Он требовал яркости материала от студента — и часто добивался этого. Иногда работа над сочинением не заканчивалась и тогда, когда студент считал, что уже поставил точку.

Он учил не только студентов, у него всегда было несколько учеников в Школе-десятилетке при консерватории. Авторитетность суждений и неторопливость высказываний оказывали на подростков значительное воздействие. За спокойствием всегда проступала большая мудрость. Если в работе со студентом он часто принимал индивидуальную стилистическую направленность последнего, то в занятиях со школьником было больше возможностей аккуратно, без давления форми-

ровать музыкальные предпочтения ученика. Он с удовольствием показывал музыку столь любимых им Бетховена, Бартока, а потом неожиданно приоткрывал дверь в мир необычных звучаний второй половины XX столетия. При всей стилистической стройности собственных сочинений и внутреннем неприятии некоторых находок современников Александр Дереникович никогда не считал нужным изолировать ученика от того, что происходит вокруг. Музыка второй половины XX века он блестяще знал, учил понимать и любить ее.

Уход из жизни такого мастера всегда воспринимается как невосполнимая утрата. Настоящий педагог, до конца отдававший себя ученикам, А.Д. Мнацаканян оставил о себе светлую память в сердцах людей, имевших счастье общаться с ним.

Arkady KLIMOVITSKY
About Sarah Belkina, wonderful
person, incomparable friend,
my dear teacher

Аркадий КЛИМОВИЦКИЙ
**О Сарре Евсеевне Белкиной,
удивительном человеке,
несравненном друге,
дорогом Учителе**

Не раз задумывался я над тем, что происходит, когда вдруг ощущаем: в нашей жизни свершается нечто, выходящее за пределы настоящего времени, настоящего мгновения — такой момент мы переживаем как *начало* одного из жизненных сюжетов. Таким *началом* стало для меня сильнейшее переживание последних дней августа 1953 года: я услышал удивительный — мне придется постоянно прибегать к такому определению, связанному с чрезвычайностью события ли, интенсивности переживания — голос, мгновенно приковавший к себе: певучий, глубокий и грудной и одновременно — обаятельно-звонкий и легкий. (Забегая далеко вперед: этот голос и свернутое в нем ощущение радостно-

трепетно-родного и незаурядного прошло через всю мою жизнь, и когда судьба разметала нас с обладательницей его по разным полушариям, я звонил за океан и, как в юности, ждал этот голос, вслушивался в него... И узнавая, произносил про себя: все в порядке...) Тот голос принадлежал светловолосой, статной, легкой (но при этом не стремительной и даже не быстрой) в движениях молодой женщине. Удивительной: сразу приковали к себе ее обаяние и приветливость, улыбочность и взор лучистых глаз. В руках у нее — большой букет цветов... Мне показалось, что она заметила странного юношу, буквально замершего при встрече с ней (впоследствии она призналась, что так оно и было). Приветливо